

Бирючин Святослав Владимирович

ДОКУМЕНТ КАК ОСНОВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В РОМАНЕ ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА "ЖИЗНЬ И СУДЬБА" (ПО МАТЕРИАЛАМ "ЧЕРНОЙ КНИГИ")

Статья посвящена определению связи романа В. С. Гроссмана "Жизнь и судьба" и "Черной книги". Автор предлагает жанровое определение последней - "коллективное свидетельство" - и доказывает, что документальные материалы сборника являются основой художественного повествования о Холокосте в романе. В частности, трагические образы узников "эшелона смерти", направляющегося в лагерь уничтожения, изображены в "Жизни и судьбе" с опорой на реальные факты, запечатленные в "Черной книге".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/9-1/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 1. С. 18-21. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**WEBSITE OF REGIONAL NETWORK NEWS AGENCY AS DYNAMIC SYSTEM
(BY THE EXAMPLE OF THE NEWS AGENCY "BUSINESS NEWS OF KOMI")**

Beshkarev Aleksei Aleksandrovich, Ph. D. in Philology
Syktvykar State University named after Pitirim Sorokin
beshi@mail.ru

The article deals with the dynamics of a regional network agency by the example of the website "Business News of Komi" as the most popular one in the region. The author traces the history of its origin, and studies the specificity of using multimedia technologies, social networks, and ways to attract the audience. On the basis of statistical methods the conclusion about the effectiveness of different forms of the resource work is drawn.

Key words and phrases: network news agency; regional mass media; Internet; social networks and mass media; multimedia; The Komi Republic.

УДК 82.09

Статья посвящена определению связи романа В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба» и «Черной книги». Автор предлагает жанровое определение последней – «коллективное свидетельство» – и доказывает, что документальные материалы сборника являются основой художественного повествования о Холокосте в романе. В частности, трагические образы узников «эшелона смерти», направляющегося в лагерь уничтожения, изображены в «Жизни и судьбе» с опорой на реальные факты, запечатленные в «Черной книге».

Ключевые слова и фразы: документ; «Черная книга»; «коллективное свидетельство»; Холокост; «Жизнь и судьба»; В. С. Гроссман.

Бирючин Святослав Владимирович

Московский педагогический государственный университет
biryuchin@yandex.ru

**ДОКУМЕНТ КАК ОСНОВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В РОМАНЕ
ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА «ЖИЗНЬ И СУДЬБА» (ПО МАТЕРИАЛАМ «ЧЕРНОЙ КНИГИ»)**

«Черная книга» – сборник документальных материалов о тотальном истреблении советских граждан-евреев, осуществлявшемся гитлеровцами на оккупированных территориях Советского Союза и в лагерях уничтожения в Польше во время Великой Отечественной войны. Сборник был подготовлен в СССР членами специальной Литературной комиссии при Еврейском антифашистском комитете (ЕАК) под руководством И. Г. Эренбурга и В. С. Гроссмана в 1944-1946 гг.

В конце 1940-х гг. в условиях взятого Сталиным курса на борьбу против «низкопоклонства перед Западом» и «безродных космополитов» книга была запрещена как выделяющая и преувеличивающая масштаб геноцида евреев на фоне общей трагедии всех советских народов, пострадавших от фашизма.

При жизни Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга «Черная книга» так и не была опубликована в Советском Союзе. Первое российское издание «Черной книги» состоялось спустя почти семьдесят лет после ее составления – в 2015 г. Цель настоящей статьи – определение жанровой специфики «Черной книги» как документального текста и выявление ее связи с романом «Жизнь и судьба».

«Черная книга» представляет собой сложное структурное образование. Основу ее составляют эго-документальные материалы (область лично пережитого факта), представленные в форме первичных документальных жанров – писем, дневников, записей устных рассказов (о жанровой типологии документальной литературы см.: [7]) жертв Холокоста. Дополняют их очерки советских писателей и журналистов, написанные преимущественно на основе подобных свидетельств (область опосредованного изложения факта), а также документы, которыми располагало официальное следствие: главным образом показания нацистов. В последнюю категорию включены не только собственно служебные материалы (протоколы опросов военнопленных немецких офицеров, донесения вермахта), но и де-факто личные записи, использованные в судебных целях и де-юре обретшие статус официальных документов (дневник оберлейтенанта Карла Иоганнеса Дрекслея).

В. С. Федоров отмечает, что в 1970-1980-х гг. советским «литературоведам и критикам пришлось всерьез заговорить о становлении особого жанра «коллективного свидетельства», «хоровой» или «магнитофонной» литературы» [9, с. 1], в которой обширно представлены записанные автором документальные воспоминания множества различных людей о реальных событиях прошлого. По справедливому замечанию исследователя, в фокусе внимания которого оказались «Я из огненной деревни...» А. М. Адамовича, Я. Брыля и В. А. Колесника, «Блокадная книга» А. М. Адамовича и Д. А. Гранина, «Последние свидетели: книга детских рассказов» С. А. Алексиевич, «особенность вышеназванных произведений в отличие от всей остальной документалистики связана, во-первых, с прорывом эстетического табу, позволившим показать такую жизненную правду, которую литература до этого времени показывать не решалась, и, во-вторых, с их жанровым своеобразием <...>. Сюжетный ряд героев этих произведений выстроен так, что ни одного из них с уверенностью нельзя назвать главным, ибо здесь

важен не облик отдельных героев, а их голоса, сливающиеся в общий хор и создающие обобщенный портрет коллективного свидетельства духа времени и эпохи (здесь и далее курсив наш. – С. Б.) [Там же, с. 15-16].

Запрещенная и не издававшаяся в СССР вплоть до 1991 г. «Черная книга» оказалась на десятилетия закрыта для отечественных исследователей и фактически вычеркнута из истории литературы. Между тем документальный труд, созданный еще в 1940-х гг. под руководством Эренбурга и Гроссмана, правомерно рассматривать как подлинный и едва ли не *первый по времени* в отечественной литературе образец жанра «коллективного свидетельства», в котором позднее создали свои документальные шедевры А. М. Адамович, С. А. Алексиевич и др. Отсутствие растворенной и ощутимой в тексте авторской интонации отличает «Черную книгу», например, от цикла «Голоса утопии», а отсутствие цементирующего текст единого повествователя – от «Блокадной книги», однако вряд ли эти замечания ставят под сомнение принципиальное соответствие труда Эренбурга, Гроссмана и их коллег жанру «коллективного свидетельства». «Прорыв эстетического табу», изображение шокирующей правды о жизни человека в эпоху войны, множество эпизодических героев, равновеликие голоса которых образуют (внешне фрагментарное) повествование, объединенное общей трагической темой, диктующей отбор материала – все эти ключевые жанровые черты «хоровой литературы» в полной мере присущи «Черной книге». Принцип «коллективности» выдержан помимо прочего и в самой организации работы над текстом: в литературной обработке материалов приняли участие почти тридцать человек. «Черная книга» – это «коллективное свидетельство», которое и подготовлено коллективно.

Василий Гроссман возглавил Литературную комиссию при ЕАК в 1945 г. и принял в создании этого труда весьма активное участие. Продолжительная задержка публикации, последовавший за ней идеологический запрет и физическое изъятие рукописи «Черной книги», по существу, стали трагической «репетицией» событий, произошедших позднее с романом «Жизнь и судьба». По мысли З. А. Миркиной и Г. С. Померанца, Гроссман «попытался спасти часть ее («Черной книги»). – С. Б.) материалов в романе (который тоже был запрещен)» [8, с. 301]. Как справедливо заметил Ш. П. Маркиш, «немалое число деталей в еврейских главах романа восходит к “Черной книге”, а есть и целые главы, вышедшие из того же источника» [6, с. 397].

Мы уже обращались ранее к анализу связи «Черной книги» и романа «Жизнь и судьба» и пришли к выводу, что очерк В. С. Гроссмана «Убийство евреев в Бердичеве» послужил эпическим, событийным источником художественного воссоздания последних дней еврейского гетто в письме Анны Семеновны Штрум, а очерк «Треблинка» («Треблинский ад») выступил в качестве документальной основы повествования о лагере уничтожения [2].

Еще один важнейший раздел романа «Жизнь и судьба», посвященный Холокосту, объединяет ряд последовательно расположенных глав первой части произведения. В них Гроссман изображает судьбы отдельных евреев в эпоху их массового истребления нацистами. У каждого из этих персонажей свой «крик человеческой души». Это метафорическое выражение Гроссман использовал, характеризуя содержание «Черной книги»: «...мы дали целый ряд человеческих судеб. Человеческая трагедия раскрывается устами женщин, детей, стариков <...> В ряде случаев – это крик человеческой души...» [цит. по: 1, с. 715].

Майор медицинской службы, военный врач Софья Осиповна Левинтон, арестованная немецким патрулем, появляется в 43-й главе в качестве пассажирки эшелона с еврейскими пленными, направляющегося на запад в лагерь уничтожения. На биографическом примере этой героини Гроссман с безжалостным реализмом изображает страдания обреченных в поезде смерти: «Желание счастья ушло, но появилось множество мечтаний: убить вшей... добраться до шелки и подышать воздухом... помочиться... помыть хотя бы одну ногу... и желание, жившее во всем теле, – пить» [5, с. 138]. О невозможности удовлетворения элементарных физиологических потребностей, с которой в массовом порядке сталкивались пленные, неоднократно рассказывали герои «Черной книги». Вот лишь одно из таких свидетельств: «Наше убежище превратилось в настоящий ад. Голод и жажда мучают, немилосердно кусают вши. Мы потеем и задыхаемся» [10, с. 134].

В следующей – 44-й – главе читатель узнает предысторию другого узника «эшелона смерти». Сорокалетний Наум Розенберг в мирное время работал бухгалтером в Госбанке, а в жестокую эпоху Холокоста стал брэннером – сжигателем трупов. В фактологическом отношении глава, посвященная Науму Розенбергу, базируется не на вымысле, но прямо соотносится с очерком «“Бреннеры” из Белостока» [3], который Гроссман подготовил для «Черной книги» по рассказу рабочих Шимона Амиэля и Залмана Эдельмана. Еще не сопоставительный анализ, но лишь внимательное чтение текстов очерка и романа свидетельствует о том, что в «Жизни и судьбе» писатель с фотографической точностью и шокирующей тщательностью, не пропуская мельчайших подробностей, проводит читателей по тем кругам ада, которыми в реальной жизни прошли брэннеры, сумевшие спастись.

В 45-ой главе первой части романа рассказывается о начале ночного погрома («акции») в гетто, случайной свидетельницей которого становится еще одна пассажирка обреченного поезда библиотекарьша Муся Борисовна. Эта глава состоит всего из трех небольших абзацев, однако Гроссман доказывает ее необходимость в тексте, выводя повествование на высочайший уровень художественного обобщения: «В эти *тихие лунные минуты*, когда подразделения СС и СД, отряды украинских полицейских, подсобные части, автомобильная колонна резерва Управления имперской безопасности подошли к воротам спящего гетто, *женщина измерила рок двадцатого века*» [5, с. 143].

Распространенные в мировой культуре мотивы зла, появляющегося во мраке ночи, и обманчивого затишья перед бурей в данном случае являются не столько элементом поэтической выдумки, сколько естественным художественным отражением трагического документального сюжета из жизни многих еврейских гетто времен войны, с которым автор на правах редактора «Черной книги» был хорошо знаком. В сборнике описан ряд похожих эпизодов. Один из них встречается в очерке «Минское гетто», который именно Гроссман подготовил к печати: «В конце апреля 1943 года в ясную, лунную ночь, в 23 часа к большому двухэтажному

дому, в котором жили дети, инвалиды и обслуживающий их персонал, подъехали две машины: легковая и грузовая. <...> Детей и персонал хватили голыми и бросали в кузов машины. Инвалидов, больных и маленьких детей расстреливали на месте. В течение одного часа все было закончено» [4, с. 184].

Следующая жертва нацизма, на судьбе которой останавливает внимание автор – девушка Наташа, которой удалось выжить после массового расстрела евреев, выбраться из братской могилы и вернуться в гетто. Несмотря на кажущуюся фантастичность этой истории, по природе своей она документальна: в «Черной книге» содержится целый ряд свидетельств о «воскресших из мертвых». Наиболее близкое из них романному тексту обнаруживаем в «Минском гетто»: «Раздетых выстраивали возле ямы и расстреливали из пулеметов. Тех, которые не хотели раздеваться, убивали одетыми, и если на них была хорошая одежда, их раздевали уже мертвыми. Раздетую женщину поставили у ямы, ее ранили в руку, она упала, на нее падали трупы. Ночью стало тихо, перестали стрелять, и она выползла из ямы, пришла в гетто» [Там же, с. 167].

Характерно, что Гроссман насыщает 46-ю главу, посвященную Наташе, типичными воспоминаниями героев «Черной книги»: это и разделение еврейского населения на специалистов и «беспольных», непосредственно предшествующее «акции», и встреча с предателем-полицаем из «своих», знакомым еще по мирному времени, и до боли знакомая дорога к месту расстрела, превращенная в мучительный путь к эшафоту. Фактически 46-я глава первой части романа конспективно описывает то, что в письме Анны Семеновны осталось «за кадром» – саму сцену казни. При этом наиболее шокирующие факты, запечатленные в «Черной книге», Гроссман из «Жизни и судьбы» исключает. Тем не менее из краткой биографии Наташи Карасик читатель способен ясно представить себе последние минуты жизни матери Виктора Штрума: «Потом было самое нестрашное, – негромкий треск автомата и палач с простым, незлобивым, утомленным работой лицом, терпеливо ожидавший, пока она робко подойдет к нему поближе, станет на край журчащей ямы. Ночью она, выжав намокающую рубашку, вернулась в город, – мертвые не выходят из могилы, значит, она была жива» [5, с. 144].

Как следует из текста «Черной книги», некоторым из узников еврейских гетто удалось пережить войну и поведать об увиденном современникам, в то время как другим суждено было спастись лишь на время, ненадолго отсрочить неизбежную гибель. Участь Наташи, оказавшейся после возвращения в гетто в еврейском «эшелоне смерти», – трагическая судьба второго типа.

В трех последующих главах первой части романа – с 47-й по 49-ю – Гроссман ретроспективно излагает историю одного из самых юных пассажиров эшелона – мальчика Давида. В первой из них автор изображает мрачное воспоминание ребенка – сцену нацистской облавы на «малины» (потайные укрытия) в еврейском гетто, типичное явление эпохи Холокоста. Вероятно, романский текст 47-й главы Гроссман создал, основываясь на документальных показаниях Лили Самойловны Глейзер, приведенных в очерке «Минское гетто». Женщина, множество раз пережившая такие облавы, вспоминала: «При погромах прячущихся чаще всего обнаруживали из-за детей. Дети не могли выдержать многосуточного голодания в невыносимой духоте и тесноте, в полном молчании. Они начинали капризничать и плакать, и это приводило к обнаружению “малин”. <...> Ребенок безумной, находившейся в моей “малине”, испугавшись стрельбы, сильно заплакал. Мать зажала ему рот руками, но плач уже донесся до гитлеровцев» [4, с. 176-177].

В реальной истории рассказчице чудом удается остаться незамеченной и спастись, тогда как обезумевшая мать погибает вместе с младенцем от рук фашистов. В романном воспоминании Давида происходит нечто гораздо более страшное – бешеная мать, боясь обнаружения «малины» из-за плача маленькой дочери, сама хладнокровно убивает собственное дитя: «Под стенкой слышны лукавые, несильные удары – кто-то выстукивал стены. В убежище наступила тишина, страстная тишина, с напряженными мышцами плеч и шеи, с выпученными от напряжения глазами, с оскаленными ртами. Маленькая Светлана под вкрадчивое постукивание по стене затаила свою жалобу без слов. Плач девочки вдруг, внезапно оборвался, Давид оглянулся в ее сторону и встретил бешеные глаза матери Светланы, Ревекки Бухман. После этого раз или два на короткий миг ему представились эти глаза и откинута, словно у матерчатой куклы, голова девочки» [5, с. 145].

Изображение происходящего в газовой камере (ч. II, гл. 49), куда нацистами были отправлены пассажиры «эшелона смерти», безусловно, было сложнейшей художественной задачей, поставленной Гроссманом перед собой в рамках романа. Первую такую попытку писатель предпринял еще в тексте «Треблинки», опираясь – за объективно объяснимым отсутствием документальных показаний (из газовых камер живым не выбрался никто) – на собственный авторский домысел, писательское воображение. Свидетельства арестованных палачей, включавших газ, в данном случае не в счет: они представляли собой отражение взгляда *снаружи*, взгляда убийц, в то время как Гроссман стремился проникнуть *внутрь* камеры смерти и узнать мысли погибающих. В художественном решении задачи такого уровня писатель уже не мог ориентироваться на документ.

В «Жизни и судьбе» писатель отбрасывает прежние художественные сомнения и решается на подробное описание массовой казни людей в газовой камере, активно домысливая неизвестное. По мысли Ш. П. Маркиша, «придя к Главной Книжке, продумав все, над чем следовало задуматься, и четко, однозначно все выговорив, он (Гроссман. – С. Б.) совершил то, что казалось невысказанным, – представил себе происходившее в камере» [6, с. 394-395]. По сравнению с предыдущими литературными опытами художественная смелость автора достигает здесь небывалой высоты.

Итак, материалы «Черной книги» являются прямым документальным источником сюжетных линий романа «Жизнь и судьба», посвященных Катастрофе европейского еврейства. Соответствующие этой теме главы романа представляют собой своеобразную художественную энциклопедию Холокоста, в которой Василий Гроссман выступает в качестве охраняющего правду факта хроникера величайшей трагедии своего народа. Трагические судьбы еврейских жертв нацизма, оказавшихся в одном «эшелоне смерти» (Софья Левинтон, Наум Розенберг, Наташа Карасик, Давид, Ревекка Бухман), изображены в романе с помощью реальных фактов, восходящих

к документальным материалам «Черной книги». Каждая из романских жертв еврейской трагедии воплощает в себе, с одной стороны, уникальную личность, а с другой – олицетворяет распространенную в эпоху Холокоста трагическую судьбу. Софья Осиповна Левинтон – жертва массовой казни евреев в газовой камере, Наум Розенберг – бреннер, сжигатель трупов, Наташа Карасик – «воскресшая из мертвых», которой удалось выжить во время массовой казни евреев в гетто, Давид – ребенок, погибший в лагере уничтожения.

Гроссман уверенно следует за документом, составляющим эпическую основу скорбного повествования о геноциде евреев, однако там, где документ отсутствует, художник не останавливается и обращается к домыслу. Это свидетельствует о том, что для Гроссмана искусство все-таки было выше жизни, важнее документа. Его работа над «Жизнью и судьбой» показывает, что роль факта в создании художественной реальности может быть определяющей, однако художественная реальность все же превышает документ по своему глубокому познанию жизни. Документ крайне важен, но не общезначим, он лишь инструмент, используемый автором в интересах искусства.

Список литературы

1. **Альтман И. А.** «Это крик человеческой души». К истории «Черной книги» // Черная книга / под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М.: АСТ; CORPUS, 2015. С. 707-717.
2. **Бирючин С. В.** Документальные источники «Черной книги» в романе В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. 1. С. 32-35.
3. **Гроссман В. С.** «Бреннеры» из Белостока. Рассказ рабочих г. Белостока Шимона Амиэля и Залмана Эдельмана // Черная книга / под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М.: АСТ; CORPUS, 2015. С. 274-277.
4. **Гроссман В. С.** Минское гетто. Материалы – А. Мачиз, [М.] Гривчик, Л. Глейзер и П. Шапиро // Черная книга / под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М.: АСТ; CORPUS, 2015. С. 157-188.
5. **Гроссман В. С.** Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Аграф; Вагриус, 1998. Т. 2. Жизнь и судьба. 656 с.
6. **Маркиш Ш. П.** Пример Василия Гроссмана // Гроссман В. С. На еврейские темы: в 2-х т. Иерусалим: Библиотека Алия, 1985. Т. 2. С. 341-489.
7. **Местергази Е. Г.** Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века): дисс. ... д. филол. н. М., 2008. 246 с.
8. **Миркина З. А., Померанц Г. С.** Выход в пространство свободы // Континент. 1992. № 4 (74). С. 283-311.
9. **Федоров В. С.** Проблемы документалистики и развитие жанра документально-художественной прозы середины 70-х – начала 80-х годов: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 1991. 18 с.
10. **Фраерман Р. И., Ковнатор Р. А.** Тринадцать дней в убежище. Рассказ Лили Герц (Львов) // Черная книга / под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М.: АСТ; CORPUS, 2015. С. 132-136.

DOCUMENT AS A BASIS OF LITERARY NARRATION IN VASILY GROSSMAN'S NOVEL "LIFE AND FATE" (BY THE MATERIALS OF "THE BLACK BOOK")

Biryuchin Svyatoslav Vladimirovich
Moscow State Pedagogical University
biryuchin@yandex.ru

The article is devoted to the identification of connection between V. S. Grossman's novel "Life and Fate" and "The Black Book". The author proposes a genre definition of the latter – "collective evidence" – and proves that the documentary materials of the collection are the basis of literary narration about the Holocaust in the novel. In particular, the writer depicts the tragic images of the prisoners of the "special train of death" making its way to the extermination camp in "Life and Fate" relying on the real facts represented in "The Black Book".

Key words and phrases: document; "The Black Book"; "collective evidence"; Holocaust; "Life and Fate"; V. S. Grossman.

УДК 8;82;087.5

Татарская детская проза 1990-2010 гг. дает свободу детским эмоциям, в то же время в этот период возрастает интерес к детской психологии. Данная область затронута исследователями частично. В статье мы попытались раскрыть специфику психологизма в татарской детской прозе на основе анализа произведений Г. Гильманова. Результаты исследования показали, что в детской прозе этого периода целью писателей становится не только воспитание гуманности, но и укрепление национального самосознания.

Ключевые слова и фразы: психологизм; детская литература; специфика психологизма; Г. Гильманов; татарская проза.

Гумерова Эндже Фоатовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
El.hadieva@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЯ ЮНОГО ГЕРОЯ В АСПЕКТЕ ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. ГИЛЬМАНОВА

Духовный мир человека, его взгляды и реакция на различные ситуативные моменты, оценивание того или иного события обуславливаются несколькими факторами: среда роста, культурное наследие, психологические